

дениях ойратских правителей. Законодатели согласились оставить их у их новых хозяев [6, с. 14; 2, с. 36].

Основная часть законов «Великого уложения» была направлена на то, чтобы кодифицировать нормы обычного права в интересах феодальной верхушки и юридически закрепить сложившиеся у монголов и ойратов феодальные общественно-экономические отношения. В них нашли свое выражение крепостнические тенденции, что дает основание исследователям «признать соответствующие разделы «Великого уложения» 1640 года имеющими для судеб трудящихся монголов и калмыков не меньшее значение, чем, например, Соборное уложение 1649 года для судеб русского крестьянства» [13, с. 98].

Мирное объединительное направление деятельности Джунгарского съезда монголо-ойратских князей 1640 года полностью соответствовало национальным интересам обоих монгольских народов. Его решения могли стать прочной основой для укрепления внутренних феодальных порядков в стране и обеспечения политической самостоятельности Монголии. Однако этого не произошло. С середины 40-х годов XVII в. среди нойонов Джунгарии начались междоусобицы. Территориальные и династические споры в обеих частях Монголии привели к срыву принятых на съезде соглашений. Разрыву союзных отношений в немалой степени способствовала и закулисная деятельность Цинов. Во вновь разгоревшихся конфликтах между ойратскими и монгольскими феодалами последние стали всё чаще обращаться за посредничеством к маньчжурскому императору, увеличивая тем самым свою зависимость от него. Это имело печальные последствия. Через 50 лет Северная Монголия (Халха) утратила свою независимость и в 1691 г. вошла в состав маньчжуро-китайской империи Цин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эрдниева К.О. Списки монголо-ойратских законов 1640 г. и их изучение // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста: КНИИЯЛИ, 1987. С. 28–42.
2. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1880. 16+144 с.
3. Преображенская П.С. К вопросу о социально-экономическом строе калмыков по данным «Степного уложения» 1640 г. // История СССР. 1963. № 5. С. 94–100.
4. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, ГРВЛ, 1964. С. 173–177.
5. История Монгольской Народной Республики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. С. 173–175.
6. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. 148 с.
7. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 194 с.
8. Русско-монгольские отношения. 1636–1654: сб. док. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 669 с.
9. Miyawari, Junko. Internal Rivalries in the Four Oyrat Tribal Federation // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1995. P. 228–260.
10. Далай Ч. Ойрад Монголын түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар, 2006. 290 х.
11. Норбо Ш. Зая-пандита (материалы к биографии). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 336 с.
12. Поппе Н.Н. Роль Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов // Калмыцко-ойратский симпозиум, № 2. Филадельфия: Общество ревнителей калмыцкой культуры, 1966. С. 52–72.
13. Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.

ББК 63.3 (2) 46

ОЙРАТСКАЯ ПОЛИТИКА ЦЯНЬЛУНА

А.М. Пастухов

Статья посвящена взаимоотношениям между ойратскими государственными образованиями и империей Цин в период правления Цяньлуна.

Ключевые слова: *всеобщая история, история ойратов, история Китая, история дипломатии.*

The article is devoted to the relations between state formations of Oyrats and Empire of Qing Dynasty in Cyanlun board.

Keywords: *general history, history of Oyrats, history of China, history of diplomacy.*

История ойратского народа тесно связана с историей Китая. Особенно важным для судьбы ойратов оказался период Цин, когда практически одновременно выкристаллизовались несколько молодых государств – маньчжурская империя Цин (1636), Джунгарское государство (1635), Хошутское

ханство (1642). Чуть позже окончательно сложилось Калмыцкое ханство на Волге.

Традиционно считается, что взаимоотношения между ойратскими государственными образованиями и империей Цин были враждебными, и определяющим фактором являлось соперничество между

маньчжурами и ойратами за гегемонию в Центральной Азии. Не пытаясь оспорить это общее положение, автор хотел бы на примере судьбоносного для ойратских государственных образований XVIII века показать всю сложность проводимой маньчжурскими императорами политики по отношению к разным ойратским государствам, ее неоднозначность и выделить ряд фактов, которые по разным причинам не освещались в исследованиях более раннего периода.

Взойдя на престол в возрасте 24 лет, император Цяньлун (1736-1796) принял от своего отца – энергичного и талантливого правителя Юнчжэна (1723-1735) – тяжелое наследство. С 1715 г. продолжалась война с Джунгарией, время от времени прерываемая хрупкими перемириями, нарастало недовольство инородческих племен Юго-Запада политикой, направленной на ликвидацию самостоятельности тусы¹, казна пустовала, монгольские феодалы, бывшие военной опорой режима, несли огромные потери в людях и средствах, снаряжая год из года дорогостоящие экспедиции против Джунгарии и Тибета, находившегося под сильным влиянием Джунгарии. Особенно опасным было положение на Западе – неоднократные походы против Джунгарии не приносили успеха, подрывая престиж непобедимого доселе цинского оружия. Не помогли и попытки заключить союз с Калмыцким ханством – многообещавшая поездка Тулишэня (1667-1741) в 1712-1715 годах к хану Аюке (1669-1724) насторожила царское правительство, и последующее маньчжурское посольство (1730) исполняло свою миссию в ставке нового калмыцкого хана Церен Дондука под строгим контролем русских властей, а последнее, имевшее место в 1732 году, не было пропущено к калмыкам вообще [18, с. 96-97].

Перед Цяньлуном стоял выбор: продолжить традиционную политику своих предшественников или же сместить акценты в политике по отношению к ойратам. Первый путь вел к развитию глубочайшего экономического кризиса² и был чреват многочисленными восстаниями китайцев и не-ханьских народов, входивших в состав империи. Второй обещал мирную передышку и разработку асимметричного ответа угрозе владычеству Цинов в Халхе и Тибете со стороны Джунгарии. В долгосрочной перспективе это было единственным способом сохранения власти Цинов над покоренными территориями.

¹ Тусы – чиновники из числа местной племенной знати в районах империи Цин, населенных этнически-меньшинствами.

² В 1715-1735 годах маньчжуры собрали в Халхе свыше 4 млн голов скота на военные нужды, а в 1728 г. произвели принудительную закупку коней на сумму 3 млн лян по заниженным ценам [30, с. 43]. Расходы на военные действия с 1723 по 1733 годы составили 36 млн лян запасного капитала при том, что все ежегодные доходы шли на военные расходы [17, с. 98-99].

Придя к власти, Цяньлун согласился на продолжение переговоров, предложенных джунгарским хунтайджи Галдан Цереном (1727-1745) при посредничестве Далай-ламы еще его отцу, Юнчжэну [18, с. 99]. Главной целью нового императора было предотвращение возможности быстрого вторжения джунгарских войск на территорию вассальных халхаских феодалов, подобного походу 1731-1732 гг., когда владения Дзасакту-хана и Тушету-хана были полностью разорены войсками джунгарского полководца Церен Дондоба, не допустив при этом очередной конфронтации с Галдан-Цереном. В ходе долгих переговоров, закончившихся только в 1740 г., Цяньлун, искусно играя на слабых сторонах джунгар – заинтересованности в китайских рынках и невозможности быстрым ударом выбить цинские гарнизоны из Западной Монголии, сумел добиться главного: заключив мир на условиях возвращения джунгарам восточнотуркестанских земель, занятых цинскими войсками, пропуска джунгарских паломников в Тибет и разрешения вести караванную торговлю в Пекине и Сучжоу, он создал мощный плацдарм в Западной Монголии и обеспечил стране мирную передышку почти на полтора десятка лет.

15 прошедших лет были максимально использованы Цяньлуном для укрепления внутривнутриполитического положения Китая и стабилизации его экономики. Одновременно решались основные проблемы взаимоотношений с ойратскими народами. Магистральной линией в политике Цяньлуна являлась концепция универсальной монархии и лояльных вассалов. Нарушение лояльности, в зависимости от его степени, каралось разными мерами экономического и военного характера, вплоть до «высшей меры» – меги, т.е. уничтожения вассального владения, нарушившего принципы китаецентричного мироустройства. По отношению к ойратам эта политика проявлялась, с одной стороны, формальным признанием их государства (заключение договора между Китаем и «варварским» государством де-факто означало его признание) и разрешением на ведение торговли под видом даннической зависимости ойратов, с другой – стремлением устранить духовную связь между Джунгарией и Тибетом, опасную для владычества Цинов над монгольскими народами, поддержать внутреннюю оппозицию и создать условия для включения территории Джунгарии в состав империи Цин вместе с ее населением.

В первые годы своего правления Цяньлун не внес ничего нового в те законы, которые создавались его предками для монгольских народов. Так, к «ойратским» статьям уложения «Цааджин бичиг»³ не было добавлено ни одного изменения, что свидетельствует о его стремлении поощрять

³ Статьи уложения «Цааджин бичиг», упоминающие правила обращения с ойратскими посольствами и перебежчиками – пп. 95, 97, 116, 117, 118, 119, 121, 128 и 152 [14, с. 82-106].

переходивших на сторону империи ойратских феодалов и их подданных. Разрешение на торговлю ойратских купцов в Сучжоу (в Пекин ойраты так и не смогли снарядить ни одного каравана [33, с. 30]) позволяло дать Галдан-Церену и его окружению уверенность в долгосрочности и стабилизации ойратско-цинских отношений.

Помимо этих мер, позволивших снизить остrotу противостояния в Центральной Азии, Цяньлун вел вторую, скрытую игру, направленную на полное подчинение Джунгарии власти Цинов с минимальными затратами сил и средств со стороны империи. Велся политический зондаж, предпринимались попытки усилить влияние Цинов в Тибете, укреплялась система гарнизонов в Западной Монголии: «При крепости, называемой Харасунской, конницы девять тысяч, да при крепости ж Улятуйской пять тысяч, и при тех же де крепостях артиллерии при каждой крепости имеетца по триста пушек со всем снарядом: да при урочище Хангае конницы ж три тысячи пятьсот; при урочище Дзо Ирдяки (храм Эрдэни Дзу – *А.П.*) тысяча пятьсот человек» [10, с. 16-17].

Очень быстро выяснилось, что Джунгария сильно истощена войнами и население ее радуется наступившей мирной передышке. Со смертью Галдан-Церена, последовавшей в сентябре 1745 г., Джунгария вступила в полосу внутренней политической нестабильности, имея сложные отношения не только с Цинской империей, но и с казахами, Россией и мусульманскими государствами Средней Азии. Этот факт не ускользнул от внимания Цяньлуна – он приказал увеличить количество войск на границе и не поддаваться на провокации. В своем указе он говорил, что со стороны джунгар можно ожидать всяких неожиданностей: «Сейчас, когда у них траур, мы совершенно не хотим посылать армию в карательный поход. Однако опасаемся, что среди их племен есть иные, враждебно настроенные, и легко может случиться смута» [10, с. 5]. Действительно, смена харизматической личности Галдан-Церена на неопытного подростка Цэвэгдоржа Намжила быстро дала о себе знать. В результате непродуманной внутренней политики молодой хунтайджи быстро потерял популярность в народе. Началось бегство ойратов к Цинам. Цяньлун поощрял переселенцев и не выдавал их обратно по требованию хунтайджи, понимая, что таким образом он может внести раскол в ряды джунгарского руководства [10, с. 15].

Одновременно он начинает сворачивать торговлю с Джунгарией, не особенно заботясь о предложениях. После свержения Цэвэгдоржа Намжила (1749) Цяньжун понимает, что династийный кризис в Джунгарии вошел в завершающую стадию. Для реализации его плана покорения Джунгарии с минимальными потерями оставалось лишь правильно сориентироваться среди оппозиции правле-

нию хунтайджи Ламдоржа (1749-1753), не признаваемого многими ойратскими феодалами законным наследником престола. В голове Цяньлуна возникает план, схожий с тем, что был успешно реализован его дедом Канси в 1691 г. на Долоннорском съезде с князьями Халхи [26, с. 100]. Необходимо было лишь инспирировать обращение достаточно влиятельных джунгарских феодалов к маньчжурам с просьбой навести порядок в Джунгарии. Таким образом, не затрачивая средств и сил на ведение дорогостоящей военной компании, Цяньлун получал законный повод для вмешательства в дела Джунгарии и обеспечивал лояльность цинскому режиму со стороны тех джунгарских феодалов, которые своим сотрудничеством с маньчжурами скомпрометировали себя в глазах населения страны.

В период 1751-1753 годов многие джунгарские феодалы стали искать покровительства у соседних государств. Так, нойоны Бадма Церен, Ринчэн и Церен [10, с. 248] перешли под покровительство казахского султана Аблая, а Церен, Церен Убаши и Сарал – цинского императора Цяньлуна [10, с. 15, 20]. Это позволило Цяньлуну активизировать военные приготовления против Джунгарии, не привлекая к ним внимания нового хунтайджи Дабачи (1753-1755). С 1753 г. цинские войска начали вторгаться в пределы Джунгарии со стороны Алтая, приводя в покорность местные племена. Сопротивлявшихся зайсангов убивали, лояльных – утверждали в прежней должности, но уже от имени цинского императора, вызывающих сомнение – выселяли в Халха-Монголию [25, с. 62]. События на Алтае в 1753-1755 годах явились генеральной репетицией реализации «джунгарского плана» Цяньлуна.

К 1753 г. кризис в Джунгарии вступил в решающую стадию. В междоусобную борьбу джунгар активно включились казахи. Дружеские связи хойтского тайджи Амурсаны с султаном Среднего Жуза Аблаем привели к катастрофическим последствиям для государства ойратов – казахи нанесли мощные удары по кочевьям джунгар в бассейнах рек Эмиль и Или, угнав более 10 тысяч семей [32, с. 19, 62]. Да и сам Амурсана повел себя весьма оригинальным для претендента на престол всей Джунгарии образом – вторгнувшись во владения своего соперника Дабачи, он захватил более 7 тысяч семей его албату и передал их казахам в качестве платы за военную помощь [6, с. 296]⁴. Естественно, это не прибавило ему популярности и лишь ожесточило сторонников Дабачи. В отместку Дабачи организовал выступление алтайских зайсанов против Амурсаны. Кочевья Амурсаны оказались разоренными, казахи потерпели поражение и отступили и сам Амурсана был вынуж-

⁴ Следует отметить, что в подобных действиях уличен и Дабачи [6, с. 294].

ден бежать к Цинам, преследуемый войсками джунгарского военачальника Мамута [10, с. 250]. Вместе с Амурсаной к Цинам ушло около 20 тысяч его подданных [35, с. 159].

Амурсана оказалась той самой фигурой, которая удовлетворяла Цяньлуна – достаточно известный в народе, чтобы при помощи продуманной пропагандистской кампании сделать его знаменем мира и спокойствия, водворяемых в Джунгарию цинскими войсками, он был, с другой стороны, недостаточно популярен, чтобы иметь всенародную поддержку и обеспечить дальнейшее существование независимой Джунгарии. Однако с целью обеспечения своей игры Цяньлун обещал Амурсане сместить Дабачи и сделать его самого джунгарским хунтайджи. Амурсана, безусловно, имел собственные планы, но по состоянию на 1754 г. такое положение дел удовлетворяло обе стороны.

Реальным же планом Цяньлуна было разделение Джунгарии на 4 «племенных» ханства – чоросов, хошоутов, дербетов и хойтов: «В соответствии с их четырьмя частями порознь пожаловать звание четырем ханам, чтобы разделить их силы. Сделать так, чтобы каждый сам осуществлял оборону. А подчинение приказам Среднего государства выражало как бы обуздание [их]» [19, с. 265]. С одной стороны, возведение какого-либо из джунгарских нойонов на вновь учреждаемый ханский престол обеспечивало личную связь хана с императором, с другой – каждое ханство имело крайне ограниченный потенциал для ведения самостоятельных военных действий против империи Цин, а антицинский союз между ханствами становился невозможным в связи с тем, что ойратские племена, занимавшие в общеойратском государстве разное положение, теперь были уравнены по статусу⁵.

Этот план, имевший много общего с планом Канси (1661-1722) в отношении Халхи, отвечал и потребностям ойратов – дезинтеграция государства зашла так далеко, что прочный мир и безопасность Джунгарии от казахских набегов мог обеспечить только исключительный лидер, поддерживаемый всеми без исключения феодальными владетелями страны. Однако на 1755 г. даже Дабачи, связанный узами родства с правящим родом, не являлся такой фигурой⁶.

⁵ Например, большинство ойратских феодалов не поддержало кандидатуры Амурсаны и Намхай Жаргала (1753) на пост общеойратского лидера по той причине, что первый был хойтом, а второй – дербетом, а не чоросом.

⁶ Против Дабачи выступил не только дербетский Намхай Жаргал, поддержанный многими мелкими феодалами Джунгарии, но и его активный сторонник Амурсана уже на следующий год после прихода Дабачи к власти.

Понимая это, Цяньлун объявил о начале похода в Джунгарию. Согласно диспозиции, выданной им членам Цзюньцзичу⁷ осенью 1754 г., к участию в кампании предполагалось привлечь 48 тысяч человек, преимущественно монголов из Халхи [10, с. 21]. На заключительном этапе операции предполагалось ввести в Джунгарию войска Зеленого Знамени, состоявшие из этнических китайцев – для создания военно-пахотных поселений с целью обеспечения войск продовольствием. Сарал и Амурсана – два наиболее активно сотрудничавших с маньчжурами перебежчика – получили цинский чин фу цзянцзюня (помощник командующего)⁸ и возглавили, соответственно, передовые отряды Западной (главнокомандующий Юнчан) и Северной (главнокомандующий Баньди) колонн [15, цз. 313, лечжуань 99].

Цяньлун тонко рассчитал психологический момент – оба джунгарских феодала шли во главе отрядов, сформированных из их собственных албату, последовавших за ними в империю Цин [10, с. 66]. Своими миролюбивыми поступками они должны были склонить джунгар к покорности, а следовавшие во втором эшелоне халхамонгольские войска – обеспечить отсутствие организованного сопротивления со стороны лояльных Дабачи феодалов.

План полностью удался – играя на противоречиях между джунгарскими феодалами, цинские войска полностью подавили слабое сопротивление сторонников Дабачи с апреля по июнь 1755 г., что позволило Цяньлуну объявить 19 июня 1755 г. о своей полной победе – цель похода была достигнута, у власти в Джунгарию находился человек, обязанный во всем лично императору и контролируемый отрядом из 500 халхаских и маньчжурских воинов под руководством военачальника Баньди [25, с. 65]. Дабачи был схвачен при помощи уйгуров, приветствовавших освобождение Цинами из джунгарского плена своих духовных лидеров – братьев Бурхан ад-Дина и Джахангира, происходивших из рода белогорских ходжей, имевших непререкаемый авторитет среди значительной части мусульманского населения Восточного Туркестана [10, с. 252].

Однако Цяньлун не казнил Дабачи – в будущей игре низложенный правитель должен был сослужить свою службу, если Амурсана вдруг попытался бы выйти из повиновения: «[Поэтому] оказать милость и присвоить Даваца титул циньвана, подарить поместье в столице и пригласить во дворец. Сообщить Даваца о том, что я держу все страны в повиновении, ко всем отношусь справедливо, уважаю приобретающих разум и

⁷ Военный совет, созданный императором Юнчжэном в 1732 г.

⁸ Сарал был назначен младшим (правым) помощником, а Амурсана – старшим (левым) помощником.

признающих свою вину. Объявить об этом также и всем живущим за пределами собственно Китая» [8, с. 82]. Не были казнены и многие другие ойратские деятели, несмотря на активную антицинскую политику, которую они проводили до 1755 г. Так, предводитель восстания ойратов Кукунора в 1722-1723 годах Лубсан Данзан, скрывавшийся после поражения восстания в Джунгарии, был представлен Цяньлуну и получил полное прощение [35, с. 160]. Тем самым Цяньлун продемонстрировал главный козырь своей ойратской политики на данном этапе – установление гражданского мира на земле Джунгарии [34, с. 48].

Помимо этих мер, направленных на успокоение населения и приобретение лояльности бывших сторонников Дабачи, Цяньлун также предпринял шаги по ликвидации угрозы Джунгарии со стороны казахских феодалов, чьи набеги на Джунгарию приобрели необычайный размах. Для предотвращения новых вторжений в кочевья наиболее активного участника казахской экспансии – султана Аблая – был направлен посол Шундэна, который объявил казахам о подчинении Джунгарии Цинам и объяснил, что новые вторжения будут расценены как посягательство на территорию империи [32, с. 21]. Трезвомыслящий политик, Аблай решил не испытывать судьбу, формально выразил согласие со словами императорского указа и направил своего посла Амир-батыра к Цяньлуну, чтобы на месте разведать обстановку [32, с. 22].

Таким образом, Цяньлун выступил в роли миротворца с целью не просто занять земли Джунгарии (принципиально они не были нужны и без того огромной империи), но и сохранить военный потенциал ойратов на условии раздробления их политической организации и превращения в послушных вассалов империи по образцу аймаков Халха-Монголии.

В период июня–сентября 1755 г. большая часть цинских войск была выведена с территории Джунгарии. В качестве гаранта покорности Амурсаны в Или оставили лишь небольшой отряд монголов и маньчжуров во главе с Баньди⁹. Опытный военачальник и политик, Баньди заметил признаки двойной игры со стороны Амурсаны и недовольства большей части ойратов его возвышением. Пытаясь предотвратить возможные волнения, он направил Цяньлуну доклад, в котором объяснял необходимость изменения первоначального плана политических реформ в Джунгарии и настаивал на введении хошунной системы, аналогичной системе, примененной к чахарским монголам [34, с. 48]. В ответ Цяньлун направил Баньди письмо, в котором предписал арестовать Амурсану, чтобы

предотвратить крупные волнения и избежать излишних жертв: «Амурсану следует непременно схватить и наказать... Пусть все вожди джунгарских племен поймут, что из-за одного человека пострададут очень многие и побоятся принять участие [в мятеже]» [10, с. 22].

Однако время было упущено – Амурсана ускользнул от маньчжурских властей и инспирировал восстание в районе ставки хунтайджи в Или. Отряд Баньди был уничтожен, а он сам покончил с собой. Следует отметить, что даже в момент, считавшийся началом общеойратского восстания с целью восстановления независимости Джунгарии, не все ойратские феодалы поддерживали повстанцев – так, второй после Амурсаны по значимости джунгарский перебежчик к Цинам – зайсан Сарал – был спасен ойратским дзргучи Шикширги. В январе 1756 г. Цяньлун направил свои послания Шикширги и другим ойратским феодалам, не принявшим участия в восстании, с целью привлечь их к подавлению мятежа [10, с. 23-24]. Активную помощь в борьбе с Амурсаной оказали также многие ойратские феодалы из окружения Дабачи, содержавшиеся в Пекине: «Те взятые из Зенгории, в Зарге присутствующие зайсанги... отпущены с награждением, по увещеванию которых многие из зенгорцов от Амурсаны отстали» [25, с. 66]. Даже алтайские зайсаны, подвергавшиеся набегам монгольских военачальников цинской армии с 1753 г., сообщили Цинам о намерениях Амурсаны вторгнуться в Халху: «Ханьхатун-уляньхай сообщил, что Амуэрсана агитирует его совместно совершить набеги в Мэнгу (Монголию)» [8, с. 80].

Социальная база восстания Амурсаны оказалась слишком узкой. Как только в долину Или вошли войска Цинов, Амурсана бежал в Казахстан просить помощи у своего старого друга и союзника Аблая. Попутно он свел счеты с рядом алтайских зайсанов, поддержавших Дабачи в 1754 г. По словам командующего на Сибирских военных линиях бригадира И.И. Крофта, в ставку Амурсаны явилось 17 зайсанов, «которых он, Амурсана, по прежде причиненной ему злобе в отомщение 15 человекам отсек голову». Вопреки распространенному мнению о многочисленности цинских войск, направленных на подавление восстания в Джунгарию, Цяньлун вновь ограничился небольшим карательным корпусом (около 20 с небольшим тысяч в 3 колоннах с учетом ойратского контингента), в задачу которого входило, в первую очередь, поимка мятежного нойона [10, с. 66]. Репрессиям подверглись улусы активных участников восстания: «Целен с небольшим военным отрядом проник в Элинхабиэргэ, уничтожил кочевья Абагсы и Хаданя» [8, с. 84]. Воины улусов, не поддержавших Амурсану, активно привлекались Цинами для несения воинской службы. В частности, большой

⁹ Общая численность цинского гарнизона в Или составляла всего 500 человек. В это число не включены разрозненные подразделения цинских войск, возвращавшиеся в Халху и Китай.

отряд ойратов (3000 воинов) из Кунгеса и Юлдуза под руководством ойратского военачальника Басана был направлен Цинами в Восточный Туркестан для установления контроля за деятельностью Бурхан ад-Дина и Джахангира [10, с. 43]. Таким образом, даже после начала восстания Амурсаны Цяньлун не видел необходимости в начале крупномасштабных военных действий в Джунгарии. Более того, Цяньлун счел целесообразным начать вторжение на территорию Казахстана с тем, чтобы покарать Аблая за нарушение клятв, принесенных им, схватить Амурсану и предотвратить дальнейшее разорение Джунгарии казахами: «Случилось так, что Амурсана изменил [нам] и бежал к казахам, и Аблай приблизил [его] к себе. Наши воины двинулись вперед, разгромив их орды» [15, цз. 529, лечжуань 316].

Однако к концу 1756 г. под влиянием непрекращающихся боевых действий настроения ряда влиятельных ойратских феодалов изменились. Самым большим ударом для политики превращения Джунгарии в внешнего вассала по образцу Халхи стала измена чоросского нойона Галдандоржа, которого Цяньлун прочил в ханы чоросского ханства. В ноябре 1756 г. он отказал в повиновении Цинам и стал готовиться к активным действиям как против войск Цяньлуна, так и против сторонников Амурсаны. Столкновение со сторонником Амурсаны зайсаном Нимой¹⁰ привело к разгрому ставки Галдандоржа и его гибели в мае 1757 г. [34, с. 64] Таким образом, даже перед лицом неотвратимой карательной экспедиции со стороны Цинов ойратские феодалы продолжили междоусобную борьбу, не сумев образовать единого антицинского фронта.

В апреле 1757 г. Цяньлуну поступает предложение от военачальника Чжаохуя, назначенного командующим карательной экспедицией в Джунгарию, о решительных мерах по отношению к мятежникам. В частности, Чжаохуй предложил в качестве эффективной меры по подавлению восстания начать методичное истребление ойратов: «Джунгары совершают преступление, необходимо уничтожить их полностью» [34, с. 62]. Однако подобные жесткие меры не входили в план Цяньлуна – указ Цзюньцичу, изданный с учетом сведений, поступивших от Чжаохуя, предписывал уничтожение взрослого мужского населения мятежных улусов. Нон-комбатантов следовало расселять в местах, которые могли эффективно контролироваться цинскими войсками. Улусы, не принявшие участия в восстании, предписывалось не трогать: «Подобных воров ни в коем случае нельзя щадить, можно оставлять в живых только старых, малолет-

них и устроить их в разных местах. В прошлом, когда [мы] дважды отправляли в Джунгарию войска, отнеслись к ним очень гуманно. Если и теперь поступим как раньше, они снова поднимут бунт, как только мы возвратим [свои] войска... На этот раз во время военного похода ... покарать всех, кто вызывает малейшее подозрение, доставить в столицу или оставлять в живых только оказавших нам услугу и достойных высочайшей милости» [34, с. 62]. При этом большую роль играло личное знакомство Цяньлуна со многими ойратскими феодалами. Для обеспечения безопасности их семей Цяньлун приказал выселять их в район Сучжоу и снабжать продовольствием за счет казны.

О ходе проведения карательной акции военачальники детально отчитывались Цяньлуну. Следует отметить, что император лично вникал в детали событий и порой даже отменял распоряжения местных властей о репрессиях в отношении тех или иных улусов:

«Алигун сообщил, что шивэй Нингули доставил в Баркуль кэлэтцев численностью около 900 мужчин и 1700 женщин, возглавляемых Гэндаши и Мансуэром, все они [из Баркуля]¹¹ отправлены в Сучжоу, чтобы там решать их вопрос в соответствии с предписаниями, и что [он] уже написал письмо Хуан Тингую [по поводу их казни]. [Баркульский командующий] действует без разбора. В прошлом ойраты сдались в плен от страха, в сущности [они] были ненадежными. [Поэтому их казнили], но кэлэтцы, как жители кочевья шалахусы, не бежали и не поднимали бунт, их можно пожалеть. Повелеваю [Военному совету] срочно передать мой указ Хуан Тингую, о том, что он сказал Гэндаши и Мансуэру, [они] когда будут доставлены [к нему]: «Вы, пленные, много страдали из-за собственной доверчивости. Сановник в Баркуле [Алигун] хотел решать вашу судьбу в соответствии с предписанием. Но великий император помиловал вас и решил устроить, приказал доставить [вас] во внутренний Китай и там кормить и воспитывать». После их прибытия в Сучжоу [предводителей] доставить в Пекин вместе с женами и родственниками, остальных не размещать в одном месте, раздать чиновникам и воинам соседней провинции. Если в одной провинции их трудно устроить, то разбросать [их] по многим другим районам. Также довести сей указ до сведения Алигуна» [8, с. 92].

Решительные меры со стороны цинских властей вызвали серьезные опасения ойратов, начавших откочевку на запад, подальше от района боевых действий с Цинами. Продвигаясь на территорию казахских и киргизских кочевий, ойраты вытесняли оттуда прежних владельцев, что вы-

¹⁰ Еще 20 декабря 1755 г. Нима, ранее ездивший послом в Пекин (1749 и 1750), пребывал в лагере цинских войск и отвечал за несение службы персоналом почтовых станций в Ирен-Хабирга [8, с. 89].

¹¹ Слова в квадратных скобках отсутствуют в оригинальном тексте «Пиндин Чжуньгээр фанлюэ» и добавлены переводчиком.

звало обострение ойратско-казахских и ойратско-киргизских отношений. Причем в этом движении приняли участие улусы как участников восстания, так и тех, кто отказался от участия в мятеже. К таким нойнам относились торгоутские князья Аким и Агадак, к защите которых прибегло около 30 тысяч кибиток ойратов, лишившихся своих сюзеренов [10, с. 66].

В этот момент в события вмешался природный фактор – скученное размещение большой массы ойратского населения в природных очагах оспы вызвало сильнейшую эпидемию в улусах Шарас, Махус, Кереет и среди людей, отдавшихся под покровительство торгоутским нойнам. Потери от оспы были настолько велики, что от 30 тысяч кибиток, оказавшихся в распоряжении Акима и Агадака, к началу 1758 г. осталось только 7 тысяч [10, с. 86], а от 15 тысяч кибиток улусов Шарас, Махус и Кереет – только 3 тысячи [10, с. 132].

Надо также упомянуть и о том, что, несмотря на официальное предписание карать только повстанцев, цинские военачальники на местах порой обходили запреты, ссылаясь на неосведомленность или незнание. Так, например, был уничтожен улус хошоутского нойона Шаку, лояльный цинскому правительству. Мотивом для этого была возможность безнаказанно захватывать имущество мятежников, и запретительные меры со стороны императора могли лишь несколько обуздать своеволие военачальников.

Напуганные этими расправами, ойраты начали бегство на сопредельные территории. Начало массового исхода ойратского населения из Джунгарии относится к 1757 г., поскольку земли Восточного Туркестана еще не подверглись нашествию цинских войск и была возможность укрыться у уйгуров на относительно приемлемых условиях. Однако для более или менее сносного существования среди мусульман переселенцы были вынуждены принимать ислам. В этом случае воины и князья входили в окружение уйгурских феодалов, формируя их дружины [12, с. 48-49], а овдовевшие женщины и осиротевшие дети охотно принимались в семьи уйгуров на правах вторых жен, приемных детей, работников и т.д. [8, с. 138].

В ходе подавления ойратского восстания политика Цяньлуна сделала серьезный зигзаг: в 1757-1758 годах он стал рассматривать казахов как союзников в борьбе с повстанцами и в качестве приманки пообещал казахам разрешить им селиться на бывших джунгарских землях [10, с. 132]. В июле 1757 г., после очередного поражения от Циннов на урочище Айдынсу, казахи заключили союз с империей Цин и выставили вспомогательные войска для подавления ойратских повстанцев [18, с. 135]. Чжао Эрсюнь писал об этом: «Аблаи глубоко раскаялся и тайно задумал задержать мятежника Амурсану, стремясь таким образом выполнить

свой долг вассала [по отношению] к нам. Вместе с Амурсаной тайно вернулся в Джунгарию. В 22 году [эры правления Цяньлун] (1757) Аблай и 30 тысяч его воинов оказали помощь в нападении на Амурсану. Демонстрируя [свою] дружбу, [он] принес извинения, служил с почтением, умоляя о том, чтобы стать вассалом. Впоследствии Амурсана бежал в Россию и умер. Тогда Аблай задержал его родственников Эбу и Цици Бахань и преподнес их в дар [императору]» [15, цз. 529, лечжуань 316].

В чем-то действия казахов даже превзошли действия Циннов по своей безжалостной эффективности – если цинские военные были вынуждены придерживаться приказов из Пекина, то казахи выводили из ойратских кочевий порой по 7 пленников на одного казахского воина [10, с. 153]. Естественно, что мужчин при этом старались убить [23, с. 214]. Способствовали этому и действия многих цинских военачальников – по свидетельству русских источников, при цинских отрядах часто находились казахские представители, принимавшие пленных ойратов и уводившие их в казахские кочевья [10, с. 83, 115]. Возможно, это было проявлением коррупции со стороны цинских военачальников, получавших за это взятки от казахов. Однако, несмотря на свидетельства подобных передач пленных ойратов казахам, мы не имеем четкого подтверждения корыстного характера этих действий цинских военных.

В 1758 г. восстание ойратов было в основном подавлено, хотя отдельные лидеры еще продолжали борьбу. Амурсана еще в 1757 г. бежал в Россию, где и умер. Состоявший при нем поручик Захаров в своей докладной записке писал: «Сего дня, 21 сентября, года 1757, от оспы скончался зенгорский нойон Амурсана. Годов от рождения 35». Казахи выдали Цинам другого крупного лидера восстания – Беке Чагаана [10, с. 132]. Теряются и следы вставшего в 1757 г. на борьбу с Цинами нойона Хасакэ Сила (Казак-Шара). Умиротворение Джунгарии подходило к концу. На очереди вставал вопрос о том, как управлять новыми землями, как решить проблему их заселения.

Цяньлун не имел намерения полностью истребить ойратов – как только основные очаги восстания были подавлены, он тут же оговорил с цинь-ваном Дабачи принципы нового политического устройства Джунгарии [10, с. 143] и запретил кочевание на землях ойратских кочевий казахам и киргизам, которых использовал в качестве вспомогательных войск в ходе подавления восстаний ойратов [32, с. 90]. Уже 10 июля 1760 г. Цяньлун приказывает военачальнику Агую прекратить преследование ойратских повстанцев и выслать отряд из 500 воинов для изгнания казахов с территории Джунгарии [32, с. 65]. Ойратам была объявлена амнистия [21, с. 129]. Эти меры, а также выступ-

ление цинских войск против казахов, захвативших ойратские кочевья, вызвали положительную реакцию со стороны беженцев – они начали возвращаться на свои земли и уже в январе 1765 г. приняли участие в операциях цинских войск против казахов, пытавшихся явочным порядком закрепить за собой земли ойратских кочевий [32, с. 68].

Дабачи умер в 1760 г., оставив после себя нескольких сыновей. Одного из них, имя которого в источниках не упоминается, казахи назовут в 1761 г. градоначальником Кульджи [10, с. 160]. Цяньлун, по всей видимости, остался верен своему главному принципу – не имея планов истребить ойратов физически, он стремился разобщить их политически, поставить под эффективный контроль и обратить их военную мощь на службу империи. Так, даже в марте 1759 г. Цяньлун использовал ойратских воинов Даши-Давы для обеспечения похода цинских войск в Восточный Туркестан [10, с. 134], разместил в Кашгаре гарнизоном алашаньских воинов князя Гончока [8, с. 100], а послами, направленными военачальником Чжаохуем в сентябре 1759 г. к бадахшанскому Султан-шаху Аждахару, были ойрат шивэй Самтан и уйгур Султан-ходжа [8, с. 103]. Для решения вопросов о податях с уйгурских городов в 1758 г. Цяньлун использовал в качестве консультанта ойратского военачальника Энкэ-Болота [8, с. 93], а о новой границе империи в Центральной Азии в 1760 г. – ойратского ланьлин шивэя Цэвдэна [10, с. 156]. С 1760 г. для ойратов стали создаваться условия для переселения в долину Или [8, с. 133-134], а с 1762 г. Цяньлун предпринял широкую кампанию по выкупу ойратов, оказавшихся в плену у уйгуров [8, с. 138]. Постоянно направлялись посольства к казахам с требованием вернуть пленных ойратов. Иногда казахские владельцы были вынуждены отпускать ойратов по требованию Цинов [10, с. 178].

Однако действия цинских войск по усмирению восстания вызвали негативную реакцию со стороны соседних народов. Кокандский Ирдана-бий писал в 1764 г. Аблаю с нескрываемым сарказмом: «Извольте объявлять о чинимых чурчутцами [то есть китайцами] калмыкам благостях, то изрядно учинить изволили, причем и нам собственно предлагает, буде и мы таковым их, китайцов, благостям приобщиться пожелаем, с тем бы людей наших послали» [10, с. 182-183]. Все планы Цяньлуна по покорению Джунгарии малой кровью полностью перечеркнули ожесточенные военные действия, длившиеся с начала 1756 по середину 1758 годов.

Большие людские потери, понесенные ойратами, восполнялись с трудом – по состоянию на 1761 г. в Кульдже проживало всего около 100 ойратов [8, с. 133], а к лету 1764 г. на прежних местах кочевки было собрано всего лишь около 15 тысяч семей [10, с. 186].

Однако следует отметить, что многие джунгарские ойраты (преимущественно дербеты) были выселены в западную часть современной Халха-Монголии, часть оказалась волею судеб в Пекине и Сучжоу, часть осталась у уйгуров, а угнанные в 1756-1757 годах в Монголию ойратские пленники (около 40 тысяч семей) [10, с. 66] были расселены в кочевьях Тушэту-хана и Цэцэн-хана, составив там племя жонгар, ранее не отмеченное в составе халха-монголов. Многие ойратские женщины и дети вошли в состав семей расселенных в Джунгарии чахарских солдат и с этого момента числились как чахары.

Переселяемые в долину Или ойраты по плану Цяньлуна должны были расселяться чересполосно, не создавая крупных компактно проживающих групп ойратского населения. Делалось это с целью исключить возможность повторное восстание ойратов.

Отношения между ойратами и цинскими властями строились таким же образом, как и для остальных подданных империи – на них распространялись все те же законы, что и на монголов, и какой-либо особой дискриминации по национальному признаку они не испытывали (за исключением тех, кто стал новыми подданными халхаских феодалов – к ним относились хуже, чем к собственно халхаским аратам).

Административные меры цинского правительства в Джунгарии свелись к устройству сомонов по образцу Чахара (т.е. фактически был принят к исполнению план Баньди от сентября 1755 г.) [8, с. 133; 34, с. 48], налоговые выплаты ограничивались поставкой определенного количества скота (2000 голов крупного рогатого скота и 500 коней) в военные поселения в долине Или (по состоянию на 1862 г.). Личные повинности заключались в перевозке казенных меди и свинца с рудников в Кульджу, а также выставлению предписанного по закону количества воинов для несения караульной службы и действительной службы в армии в военное время [30, с. 514]. Существовали также внутренние сборы, выплачиваемые ойратами своим феодальным владельцам. По оценке К.Г.Э. Маннергейма, по состоянию на 1908 г. они составляли до 10% от стоимости имущества каждого податного ойрата ежегодно [22, с. 202].

В период с 1760 (официальное объявление об окончании войны в Джунгарии и Восточном Туркестане) по 1771 годы ойратское население Джунгарии составляло всего около 60 с небольшим тысяч человек, а с учетом тех, кто был расселен в различных местах Монголии и не был причислен к аймакам халхаских феодалов, ойратов насчитывалось около 173 тысяч человек [23, с. 223]. Это составляло 28% от прежнего населения Джунгарии, насчитывавшего, по дан-

ным китайских источников, 600 тысяч человек [35, с. 147]¹².

В 1771 г. произошло событие, которое подтверждает, на наш взгляд, отсутствие у Цяньлуна планов по физическому истреблению ойратов – откочевавшие с Волги торгоуты в августе 1771 г. были встречены в долине Или цинскими патрулями и препровождены к месту первичного расселения [23, с. 216]. Согласно заключенным договорам, подобные беглецы должны были высылаться обратно как Россией, так и Китаем. Но Цяньлун принял решение оставить торгоутов в пределах Синьцзяна при условии, что калмыки примут подданство империи Цин [10, с. 196]. Для него этот шаг, скорее всего, был оправданием произошедшим в 1756-1758 годах кровавым событиям и попыткой реабилитации своей ойратской политики. Изнуренные длительным переходом и постоянными боями с казахами и киргизами, калмыки согласились на принятие цинского подданства. По приказу Цяньлуна были выделены существенные средства на поддержку переселенцев, утративших в пути почти весь свой скот и имущество. Монгольский историк XIX века Джамбароджи писал об этом: «Император, проникнувшись великой жалостью и выслушав к тому же доклад со стороны некоторых лиц о необходимости принятия их под свою защиту, отправил в Россию соответствующее послание и милостиво соизволил отпустить из казны денежное пособие почти на три тумэна (30000) тех пострадавших аратов. Кроме того, в качестве пособия отпустил им всякого рода одежды, продовольствия, лошадей, овец и прочего скота. Пригнали от чахаров и олёттов, кочующих в илийском Тарбагатае, лошадей и овец общим поголовьем в девять тумэнов пять тысяч пятьсот (95500) голов и безвозмездно им пожаловали. Затем были доставлены из Шаньду и Дабсунора из императорских табунов и стад тринадцать тумэнов (130000) голов скота. Табун из хамийского района в три тумэна (30000 лошадей). Также было пожаловано: свыше семи тумэнов (70000) плиток чая в продовольствие, шесть тумэнов одна тысяча (61000) сырых кож, пять тумэнов одна тысяча (51000) с лишним готовых тулупов, шесть тумэ-

нов одна тысяча (61000) с лишним кусков китайского холста, свыше пяти тумэнов одной тысячи (51000) кусков корейского холста, денег из государственного казначейства два тумэна (20000) лан серебром.

И, выказывая полное благоволение и отдавая обо всем этом поручение илийскому джанджуну, он «старых торгоутов» наименовал аймаком Унэнсуджугту и поручил Убаши-хану управлять ими. А новых торгоутов назвал аймаком Чин-сэджилту и поручил управление ими Сэрэну. Он поставил над всеми тринадцатью хошунами великих и малых правителей с соответствующими титулами и дал им возможность жить в полном мире и спокойствии» [7, с. 146-147]

Наместник Калмыцкого ханства Убаши, возглавивший перекочевку, был принят Цяньлуном в Жэхэ уже осенью 1771 г. и получил высший титул знатности – цинь-ван. Вместе с ним были приняты и другие калмыцкие феодалы, также получившие высокие титулы. В связи с этим следует отметить интересную деталь – несмотря на неоднократные послания в Сенат с требованием выдать джунгарского нойона Церена, разгромившего летом 1758 г. конвой из 500 воинов цинского военачальника Тангулы, сопровождавшего казахское посольство на пути домой, убившего самого Тангулу и захватившего несколько десятков монгольских воинов в плен [10, с. 108-109], прибывший на аудиенцию к Цяньлуну Церен был не только помилован, но и пожалован титулом Билигту цзюнь-ван с правом кочевья по р. Булгун в округе Кобдо. В 1792 г. он ушел на покой, передав свой титул сыну Цэвэгджаву [23, с. 217, 227].

Остальные торгоуты также были расселены в разных районах Джунгарии таким образом, чтобы они не могли обратно откочевать в Россию. Однако в первые 2 года своего пребывания в Джунгарии торгоуты продолжали оставаться в приграничных районах страны и, пользуясь общей установкой внешней политики империи Цин, направленной на устрашение казахов военной силой, совершили ряд набегов на земли Среднего Жуза, отогнав у казахов более 70 тысяч коней, отомстив, таким образом, за нападения казахов на торгоутов во время перехода с Волги на Или [10, с. 197].

Таким образом, под эгидой империи Цин оказалась объединена основная часть ойратов. Перекочевка торгоутов в Джунгарию и принятие ими цинского подданства ознаменовало триумф ойратской политики Цяньлуна.

Однако в 1772-1773 годах часть мелких калмыцких феодалов попыталась уйти обратно в Россию. Это повлекло за собой раздробление калмыцких кочевий, расселение их в глубинных районах Джунгарии, арест наиболее активных деятелей и передачу их подданных во владение

¹² Ш.Б. Чимитдоржиев ссылается на переведенное на монгольский язык маньчжурское издание «Богд суургал» (Наставления священных императоров), одновременно он приводит и цифру 1000000 человек без указания на источник. Численность ойратов Джунгарии в 1000000 человек указана в сочинении китайского чиновника Чунь Юня «Сиюй вэньцзянь лу» (Записки об увиденном и услышанном в Западном Крае), опубликованных в 1777 г. Однако эта работа, в отличие от официального «Богд суургал», не основана на документах и представляет собой типичный для Китая жанр путевых записок, сведения для которых автор черпал из того, что видел лично или что рассказывали ему его информанты.

местным феодалам. В этих репрессиях, не сопровождавшихся по причине отсутствия вооруженного сопротивления со стороны калмыцких переселенцев карательными действиями цинских войск, принимал активное участие сам Убаши [10, с. 198, 241].

По состоянию на 1780-е гг. в Кульдже проживало уже не менее 6000 ойратов, обязанных исполнять воинскую повинность [1, с. 68]. Караулы, лежащие к северу от Кульджи, комплектовались, по свидетельству капитана И.Г. Андреева, по большей части, ойратскими воинами [1, с. 69]. Он же упоминает, что отношение маньчжурских и солонских военных к ойратским воинам было пренебрежительное. Однако это не было целенаправленное третирующее ойратов по национальному признаку – в таком же положении находились и чахарские монголы, проживавшие в Синьцзяне и несшие пограничную службу бок о бок с ойратами. Это явление объясняется тем, что маньчжуры и родственные им солонки привыкли относиться к представителям всех иных национальностей свысока, не делая исключения для китайцев, уйгуров или монголов [30, с. 530]. Ойраты, наряду с маньчжурами и монголами, принимали участие даже во внешнеполитических акциях империи Цин – например, капитан Андреев упоминает об участии 50 ойратов в конвое посольства маньчжурского амбана к казахскому Хан-Ходже в феврале 1784 г. по случаю поминок его отца – Абульфеиз-султана [1, с. 43].

Вплоть до самого отречения императора Цяньлуна, произошедшего в 1796 г., ойраты в Джунгарии и на сопредельных территориях расселялись небольшими группами. Им не позволяли вновь объединяться в крупные территориальные и племенные образования, их пытались настроить на сотрудничество с цинскими властями с целью обеспечить контроль за вновь приобретенными землями. Неоднородность ойратского населения и расселение их в местах, которые оспаривались казахами, религиозная рознь с уйгурами, киргизами и казахами неизбежно вели к тому, что ойратскому населению приходилось волей-неволей поддерживать цинскую администрацию и верно служить ей в случае военных конфликтов с тюркоязычным населением региона. Лишь в XIX веке ойраты Синьцзяна стали объединяться в достаточно крупные княжества, основанные в большей степени на территориальном, нежели племенном, принципе – Кобук-Саурское, Сыгоушурское, Карашарское и Хошурское [27, с. 129].

Таким образом, мы можем достаточно отчетливо проследить политику императора Цяньлуна в отношении ойратов на протяжении 60-летнего периода.

Дав передышку стране после длительных войн, Цяньлун установил пристальное на-

блюдение за состоянием государства ойратов в Джунгарии. Параллельно он предпринял меры по ликвидации влияния Джунгарии в Тибете и переориентации духовного лидера Тибета на империю Цин. Проводившаяся Цяньлуном торговая политика также способствовала тому, что ойраты Джунгарии все более привязывались к китайскому рынку, но не получали каких-либо политических преимуществ. Ойратская знать была вынуждена смирять свою гордость с целью реализации своих товаров в Китае, что неизбежно вело к установлению всякого рода неформальных контактов между ойратами и цинскими подданными¹³.

Одновременно Цяньлун не проводил какой-либо дискриминационной политики по отношению к перебежчикам из Джунгарии, не выдавал их обратно и не производил каких-либо действий, третирующих ойратское население империи Цин.

Все это сыграло свою роль в событиях 1755 г., когда многие ойраты считали за благо принять подданство империи Цин, чтобы получить свободный доступ к рынкам Китая и святыням Тибета, а также защиту от набегов казахов. В этих условиях план Цяньлуна на разделение Джунгарии на 4 «племенных» ханства был вполне адекватной мерой, не предусматривающей применения насилия по отношению к основной массе ойратского населения. Лишь на третий год после начала войны, весной 1757 г., Цяньлун принял решение произвести широкомасштабные карательные акции против мятежных нойонов. В качестве вспомогательной силы он использовал казахов, играя на их реваншистских настроениях.

Однако, добившись перелома в ходе военных действий, он перестал поддерживать казахов и начал проводить целенаправленную политику репатриации ойратских беженцев. Административное устройство их было подчинено идее тотального контроля и максимально эффективного использования военного потенциала ойратов для несения службы на границах империи.

Действия императора в отношении калмыков, перекочевавших с Волги в Джунгарию, также были подчинены этой генеральной линии – лишив ойратов политического единства, сделать их послушным орудием имперской политики.

Рассмотрев основные события периода Цяньлун, мы можем смело утверждать, что политика императора по отношению к ойратам всецело строилась на принципе «разделяй и

¹³ За период действия цинско-ойратского торгового соглашения (1740-1753) при учете всех ограничений в торговле ойраты, по неполным данным, выручили в Китае 1028461 лян (38,3 т) серебра, не считая сделок, произведенных путем простого товарного обмена [32, с. 31-40].

властуй» во имя обеспечения незыблемости власти маньчжурской династии в Китае, однако события 1755-1758 годов, сопровождавшиеся большими жертвами среди ойратского населения, являются не геноцидом ойратского народа, спланированным заранее, а реакцией Цяньлуна на восстание Амурсаны и ряда других ойратских феодалов. Меры, предпринятые императором по отношению к ойратам Джунгарии, не были чем-то из ряда вон выходящим, если мы сравним их с мерами, предпринимавшимися при подавлении восстаний других народов – гаошаней, китайцев, тангутов, мяо, монголов и уйгуров [25, с. 140, 362 и т.д.; 27, с. 196 и т.д.].

После окончания военных действий ойраты, как проживавшие на территории империи до 1755 г., так и вошедшие в ее состав позже, оказались лишенными возможности создавать свои национальные государственные образования, однако сохранили свою автономию, культуру и язык, о чем свидетельствуют свидетельства таких русских ученых и путешественников XIX–XX веков, как Б.Я. Владимирцов, А.М. Позднеев, В.В. Радлов, К.Г.Э. Маннергейм и других. Продуманная политика Цяньлуна смогла с течением времени не только примирить ойратов с владычеством Цинов и ликвидацией их национальной независимости, но и сделать их военной опорой имперского режима на территории Синьцзяна в XIX веке [27, с. 129; 29, с. 514].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргизкайсаков. Алматы: Гылым, 1998.
2. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991.
3. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном отношении. М.: Восточный дом, 2002.
4. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. М.: Восточный дом, 2002.
5. Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-Чжамцо» – источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск: Наука, 1983.
6. Златкин И.Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 289–313.
7. История в трудах ученых лам / сост. А.С. Железняков, А.Д. Цендина. М.: КМК, 2005.
8. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1994.
9. Левшин А.И. Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких гор и степей. Алматы: Санат, 1996.
10. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Т. 2. М.: Наука, 1989.
11. Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. 1700–1725. М.: Наука, 1978.
12. Тарих-и Бадахшан. История Бадахшана. М.: Вост. лит., 1997.
13. Халха Джирум. М.: Наука, 1965.
14. Цааджин бичиг. Монгольское уложение. М.: Вост. лит., 1998.
15. Чжао Эрсюнь «Цин ши гао» (Черновая история династии Цин). Пекин, 1927 (на китайском языке).
16. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971.
17. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002.
18. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1979.
19. Думан Л.И. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966. С. 264–289.
20. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1964.
21. Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения. М.: Наука, 1991.
22. Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. Алма-Ата: Наука, 1988.
23. Колесник В.И. Последнее великое кочевье. М.: Вост. лит., 2003.
24. Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М.: Наука, 1973.
25. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. М.: Наука, 1983.
26. Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. М.: Вост. лит., 2005.
27. Пагсам-джонсан. История и хронология Тибета / пер., предисл. и коммент. Р.Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991.
28. Петров В.И. Мятежное сердце Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003.
29. Против маоистских фальсификаций истории Киргизии. Фрунзе: Кыргызстан, 1981.
30. Радлов В.В. Из Сибири. М.: Наука, 1989.
31. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI–начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988.
32. Хафизова К.Ш. Казахская стратегия Цинской империи. Алматы: Таймас, 2007.
33. Ходжаев А. Торговые связи между Джунгарским ханством и Цинской империей в 1744–1754 гг. // Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата: Гылым, 1990.
34. Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. Ташкент: Фан, 1991.
35. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978.